

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	6
Обзор источников и литературы.....	21
Глава I. Семья Савинковых, атмосфера и взаимоотношения в ней. Начало общественно-политической и революционной деятельности и переход Бориса Савинкова от социал-демократов к социалистам- революционерам.....	59
§ 1. Семья Савинковых, атмосфера и взаимоотношения в ней.....	59
§ 2. Что толкнуло Б. В. Савинкова на путь общественно-политической деятельности? Первые шаги: из студентов — в революционеры.....	74
§ 3. Переход Б. В. Савинкова от социал-демократии к ПСР в контексте взаимоотношений этих партий.....	84
§ 4. Гибель брата и смерть отца в 1905 г. и их влияние на Бориса.....	97
§ 5. Борис Савинков на перепутьях своей личной и семейной жизни в 1899–1917 гг.....	103
Глава II. Б. В. Савинков в Боевой организации ПСР. Б. В. Савинков и Е. Ф. Азеф.....	116
§ 1. Боевая организация ПСР и первые шаги Б. В. Савинкова в ней.....	116
§ 2. Б. В. Савинков и М. Р. Гоц.....	131
§ 3. «...Я сносился со всеми товарищами, был с ними в непосредственном общении, со многими в тесной дружбе»: место Б. Савинкова в Боевой организации и его взаимоотношения с товарищами и друзьями.....	135
§ 4. Взаимоотношения Б. В. Савинкова с Е. Ф. Азефом.....	144
§ 5. Террористическая погоня за царем и Б. В. Савинков в 1907–1908 гг.: отход от БО, участие в подготовке покушения на Николая II на крейсере «Рюрик» и его выводы о причинах его срыва.....	151
§ 6. Планы «авиационного» и «подводного» покушения на Николая II ...	167
Глава III. «Хуже, много хуже, чем ничего...»: «Инициативная» Боевая организация ПСР под руководством Б. В. Савинкова (Боевая группа Б. В. Савинкова) в 1909–1911 гг.....	179
§ 1. Причины, обстоятельства и условия создания БО ПСР во главе с Б. В. Савинковым. Его принципы отбора людей в БО и причины и последствия кадрового голода.....	179

§ 2. Контрразведка Савинкова — Бурцева весной 1909 г., поиски провокаторов в БО в 1909–1910 гг.: дискуссии и последствия	184
§ 3. Б. В. Савинков и дело «товарища-провокатора» А. А. Петрова.	201
§ 4. Начало слежки в Петербурге и эвакуация группы под угрозой провала	213
§ 5. Поиск провокаторов, атмосфера и отношения в БО и новые планы покушений.	216
§ 6. Причины неудач и самороспуск БО.	233
Глава IV. Савинков, Судебно-следственная комиссия ЦК ПСР и ее заключение по делу Азефа	
§ 1. Б. В. Савинков перед лицом Судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР и его оценки «дела Азефа» в 1910 и в 1924 гг.	251
§ 2. Реакция Б. В. Савинкова и членов БО ПСР на Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа в марте 1911 г.	265
§ 3. Позиция Савинкова в партийных спорах в 1912 г. по поводу суда над Азефом	271
Глава V. От сомнений к морально-этическим поискам и богоискательству Б. В. Савинкова в контексте субкультуры российского революционера. Реакция на них в обществе и революционной среде	
§ 1. «Допустимо насилие или нет? Допустимо убийство или нет?» Морально-этические поиски и богоискательство Б. В. Савинкова (В. Ропшина) и «триумvirат» З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova в контексте этических и религиозных поисков революционной интеллигенции	280
§ 2. Что сказал Б. В. Савинков от имени В. Ропшина и чего не увидели читатели? Искания Б. В. Савинкова в контексте субкультуры российского революционера.	305
§ 3. Реакция общественных кругов и эсеровской среды на этические поиски и литературные произведения Б. В. Савинкова (В. Ропшина)	318
§ 4. Б. В. Савинков в зеркале своих произведений: проблемы искренности и многоликости Савинкова-Ропшина	343
§ 5. Сближение Б. В. Савинкова с Г. В. Плехановым и издание газеты «Юг» в контексте воскрешения объединительных настроений в предвоенный период.	368
Глава VI. Военный корреспондент, «оборонец» и товарищ военного министра: Б. В. Савинков в годы Первой мировой войны и в 1917 г.	
§ 1. Б. В. Савинков как «оборонец» и как военный корреспондент в годы мировой войны	386
§ 2. Возвращение Б. В. Савинкова в Россию в апреле 1917 г., его взгляды, деятельность и их оценка	407
§ 3. Савинков как комиссар и управляющий Военным министерством. Его роль в «мятеже Корнилова» и исключение из ПСР	423

Глава VII. Борьба с большевизмом и поиски своего пути (октябрь 1917 — 1924 г.)	445
§ 1. Б. В. Савинков в дни октябрьского переворота и его участие в «походе Краснова — Керенского» на Петроград.	445
§ 2. Отъезд в Новочеркасск и «Донской Гражданский Совет»	461
§ 3. Б. В. Савинков и «Союз защиты родины и свободы» в Москве весной — летом 1918 г.	467
§ 4. «Я был также в связи с террористической группой, которая произвела покушение на Ленина»: проблема причастности Б. В. Савинкова (и ее степени) к покушениям на В. И. Ленина в 1918 г. Каковы взаимоотношения Б. В. Савинкова и Г. И. Семенова в 1918 (и в 1920) г. и кто возглавлял террористический отдел СЗРиС?	481
§ 5. Проблема причастности савинковской организации под руководством М. М. Филоненко к покушению на М. С. Урицкого 30 августа 1918 г.	542
§ 6. Б. В. Савинков на территории Самарского Комуча и получение им заграничной миссии от Уфимской Директории	586
§ 7. «Я считал адм[ирала] Колчака искренним патриотом и признал его власть»: Представительство правительства Колчака в Париже	600
§ 8. «Польская эпопея» Б. В. Савинкова в 1920–1921 гг. Б. В. Савинков и Ю. Пилсудский	608
§ 9. Народный Союз защиты Родины и свободы. Планы и реальность.	624
Глава VIII. «Почему я признал Советскую власть?»: от ареста к суду и гибели. Реакция на признание Б. В. Савинковым советской власти в обществе и в кругу его единомышленников	632
§ 1. Арест, следствие и суд.	632
§ 2. Дискуссии в эмиграции о «деле» Б. В. Савинкова, о поведении на суде, о признании советской власти	649
§ 3. Обстоятельства и загадки гибели Савинкова	657
«Гамлет революции» и/или «Надломленная скрипка Страдивариуса»? Феномен, мозаичность, противоречивость и парадоксы личности Б. В. Савинкова (Вместо заключения)	671
Указатель имен	755

*Посвящается Алле Морозовой — верной соратнице
и главной женщине в моей жизни...*

ОТ АВТОРА

Размышляя сегодня о том, что же именно «зацепило» меня еще в студенческие годы в Борисе Савинкове и заставило биться потом над его многочисленными «загадками», я прихожу к выводу, что, наверное, меня поразила противоречивость и мозаичность этого человека, состоявшего из весьма разных Савинковых — Савинкова — революционера и террориста, писателя В. Ропшина; Савинкова, яростно боровшегося с большевиками, и Савинкова, признающего Советскую власть, Савинкова-революционера, ценящего свободу, и Савинкова-государственника, готового ей пожертвовать...

Сперва я прочитал его мемуары, сформировавшие его изначальный образ:

Когда я подбежал к месту взрыва, дым уже рассеялся. Пахло гарью. Прямо передо мной, шагах в четырех от тротуара, на запыленной мостовой я увидел Сазонова (другой вариант написания фамилии — Созонов. — *К. М.*). Он полулежал на земле, опираясь левой рукой о камни и склонив голову на правый бок. Фуражка слетела у него с головы, и его темно-каштановые кудри упали на лоб. Лицо было бледно, кое-где по лбу и щекам текли струйки крови. Глаза были мутны и полузакрыты. Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расплываясь, образовало большую багряную лужу у его ног.

Я наклонился над ним и долго всматривался в его лицо. Вдруг в голове мелькнула мысль, что он убит, и тотчас же сзади себя я услышал чей-то голос:

— А министр? Министр, говорят, проехал.

Тогда я решил, что Плеве жив, а Сазонов убит. Я все еще стоял над Сазоновым. Ко мне подошел бледный, с трясущейся челюстью, полицейский офицер (как я узнал потом, лично мне знакомый пристав Перепелицын). Слабо махая руками в белых перчатках, он растерянно и быстро заговорил:

— Уходите... Господин, уходите...

Я повернулся и пошел прямо по мостовой по направлению к Варшавскому вокзалу. Уходя, я не заметил, что в нескольких шагах от Сазонова лежал изуродованный труп Плеве и валялись обломки кареты.

Эти почти документализированные строки из «Воспоминаний» Бориса Викторовича Савинкова, как и многие другие, прочитанные мною еще до перестройки, студентом исторического факультета университета — диссонировали с тем, как принято было смотреть из застывшего советского настоящего в не столь уж далекое, но весьма затуманенное мифами и стереотипами прошлое. Эти строки наводили резкость, туман рассеивался, и прошлое проступало очень явственно и вдруг оказывалось совсем... малознакомым. Надо

сказать, что изданная уже в советское время, в 1926 г., в Харькове его книга, названная редакцией «Воспоминания террориста» с предисловием Феликса Кона (написанные Савинковым в январе 1925 г. в лубянской камере предисловие и примечания к этому переизданию его мемуаров, посланные директору Госиздата И. И. Ионову, в книгу включены не были), лежала в советское время в спецхране библиотеки и была недоступна для студентов. Поэтому я читал мемуары Савинкова в публикации «Былого» 1917 г., с которой переиздавались они в 1920-е гг.

Строки Савинкова цепляли и удивляли и своей отстраненностью, безэмоциональностью автора, сосредоточенного, казалось бы, только на точности описания и реконструкции событий, но никак не проявлявшего своих эмоций, что тоже казалось непривычным. Так о «революционных» темах в советское время не писали... Или писали крайне редко.

А далее... Далее после знакомства с Савинковым-мемуаристом было знакомство с писателем Ропшиным, который, как и его главный герой Жорж из «Коня бледного», поразил меня: «Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень? Нету грани, нету различия. Почему для террора убить — хорошо, для отечества — нужно, а для себя — невозможно? Кто мне ответит?»

Конечно, было ясно, что нельзя отождествлять автора и его героя, но даже мне тогда казалось, что мыслей и терзаний самого Савинкова в Ропшине очень много и, похоже, и сам Б. В. Савинков не знает ответа на многие из поставленных его героями вопросы.

Но окончательно меня запутало знаменитое письмо Б. В. Савинкова 1924 г.: «Почему я признал Советскую власть?», в котором он восклицал: «И именно потому, что народ не с нами, а с Советскою властью, и именно потому, что я, русский, знаю только один закон — волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все: довольно крови и слез; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть...»

Даже у меня, студента, вызывали сомнения логика и верность выводов его письма. Ведь даже моих обрывочных знаний о разгоне коммунистами легитимного Учредительного собрания — «хозяина земли русской», Самарского Комуча, подавлении политических свобод и преследовании инакомыслия в течение десятилетий, о репрессиях 1930-х, варварской жестокости коллективизации, хватало, чтобы засомневаться в справедливости выводов Савинкова.

Савинков больше не отпускал меня от себя. Хотя многого я тогда о нем еще и не знал. Уместно в связи с этим упомянуть следующие вещи. Во-первых, абсолютное большинство людей и до сих пор не знают, что «Воспоминания террориста» — вовсе не авторское и фактически неправильное название «Воспоминаний» Б. В. Савинкова. Во-вторых, только когда я стал

читать его литературные произведения и письма, я понял, что ни о какой безэмоциональности и холодной отстраненности Савинкова и речи быть не может, в нем бушевало целое море эмоций, которые он лишь прятал под этими масками. В-третьих, что именно эта описанная Савинковым сцена была объявлена эсером Н. С. Тютчевым в «Заметках о воспоминаниях Савинкова»¹ выдумкой, так как он не мог добежать до Созонова, не мог наклониться над ним, не мог не увидеть тела погибшего Плеве и т. д. А Б. В. Савинков в письме 5 февраля 1925 г. своей сестре Вере (в замужестве Мягковой), которую в семье звали Руся, с горечью и обидой восклицал, что именно так все и было, как он описал, и он ни одного «слова выдуманного не прибавил»².

Сегодня у меня нет сомнений не только в том, что «Воспоминания» Савинкова представляют из себя ценнейший исторический источник, как нет сомнений в их точности и правдивости, что бы ни говорили по этому поводу эсеры Н. С. Тютчев и Е. Е. Колосов в своих весьма необъективных нападках на его воспоминания в статьях 1920-х гг. Нет у меня сомнений и в том, что весьма антиисторично и непрофессионально ведут себя те историки и публицисты, кто сегодня пытается взять под сомнение то или иное невыгодное для их концепции утверждение Б. В. Савинкова и убедительно (для непосвященной публики) ссылающиеся на «авторитетный» вердикт Тютчева и Колосова. Но, главное, что сегодня я могу уверенно сказать: «Воспоминания» Савинкова не только не ушли вместе со своим временем, не только стали одними из самых популярных мемуаров начала XX в. в перестроечную эпоху, но они читаются сейчас и будут читаться и завтра... И они намного популярнее его художественных произведений. Савинков-мемуарист оказался выше Савинкова-писателя и, по всей видимости, сумел затронуть какие-то важные струны в душе читателя (в том числе и советского и постсоветского), пытающегося найти ответы на «проклятые вопросы» этики и политики русской жизни за более чем вековой период...

После «Воспоминаний» и повести «Конь бледный», опубликованной в первом номере «Русской мысли» за 1909 г., вскоре мною был прочитан и роман «То, чего не было (Три брата)», публиковавшийся в левонародническом журнале «Заветы» в течение года в 1912–1913 гг. Оба произведения были написаны под псевдонимом В. Ропшин. Роман «То, чего не было» вызвал грандиозный скандал и публичный протест видных эсеров, а также и серьезную общественную дискуссию вокруг романа. Весь этот сюжет вокруг романа Б. В. Савинкова и споры о нем я исследовал уже в студенческие годы в дипломной работе, посвященной «Заветам». Тогда же, в 1987–1988 гг. я познакомился и с первыми архивными документами, в том числе

¹ Тютчев Н. Заметки о воспоминаниях Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 49–72.

² Цит. по: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров. 1901–1911. М., 1998. С. 90.

касавшимися Б. В. Савинкова и реакции на его роман «То, чего не было», из различных фондов Рукописного отдела Пушкинского Дома, РГАЛИ, ИМЛИ.

Помню совершенно разные свои впечатления от Б. В. Савинкова и от В. Ропшина. Савинков-мемуарист был крайне интересен, понятен, информативен и не вызывал отторжения. Вполне понятны были и сомнения в моральной допустимости террора (впрочем, не столько его, так как он скорее умалчивал о своих взглядах, сколько его товарищей по Боевой организации (БО)). А вот главный герой В. Ропшина из «Коня бледного» — Жорж, произвел резко отталкивающее впечатление, как и его мысли и слова, выглядывшие искусственно, нарочито надрывно и даже провокативно. Герои «То, чего не было» были уже тоньше, как и авторская концепция и идеи, но какая-то фальшь и несочетаемость разных пластов, идей и чувств в романе ощущалась. Пусть уже и не было чувства отторжения, как от «Коня бледного», но все равно роман тогда оставил чувства сумбура и невнятности.

Мне было непонятно, что общего у Б. В. Савинкова — автора «Воспоминаний», написанных в основном в 1908 г., и В. Ропшина, написавшего «Коня бледного» в это же время, а «То, чего не было (Три брата)» — в 1912–1913 гг. Ощущение мозаичности и внутреннего надлома у Б. В. Савинкова (и у В. Ропшина) было вполне острым для меня уже тогда. Поражало странное сочетание несочетаемого — искренность и искусственность в текстах Савинкова, а также невероятная противоречивость его самого. Наиболее ярко эта противоречивость проявилась дважды. Первый раз, когда в 1909–1913 гг. Савинков-писатель отрицал то, что делал Савинков-революционер, воссоздавший в 1909–1911 гг. БО и пытающийся возродить эсеровский террор, и второй раз, когда мятущийся Савинков, пишущий в 1923 г. «Коня вороного» и кающийся на своем суде в августе 1924 г., перечеркивал то, что с яростным убеждением делал с октября 1917 г. Савинков-антибольшевик. Вот все эти невероятные сочетания — искренность — искусственность, противоречивость и метания Савинкова и стали для меня загадкой, которую хотелось разгадать.

Увы, на это ушли даже не годы, а три с лишним десятилетия... Характерно, что позже, как я ни пытался заставить себя перечитать «Коня бледного» и «То, чего не было (Три брата)», преодолеть внутреннее отторжение этих его произведений (впрочем, как и «Коня вороного» 1923 г., прочитанного в самом конце 1980-х) удалось только в процессе написания этой книги.

В эпоху поздней перестройки не только были переизданы воспоминания и художественные произведения Савинкова, но и сама его фигура приковала к себе внимание писателей и публицистов, пытавшихся на его примере ответить на многие острые вопросы российской истории XX в. и разобраться в судьбах российской интеллигенции.

Как писали авторы вступительного очерка к сборнику «Савинков на Лубянке», «Савинков оказался среди тех исторических героев, чья судьба должна была помочь разобраться с целым рядом проблем, осознанных

в перестройку как основные проблемы современной Российской истории: где искать корни тоталитарной традиции в России, как эволюционировал политический терроризм от террора индивидуального к террору государственному; что представляла собой российская интеллигенция начала века, как относилась она к идее революции, к насилию и т. д.; как оценивать характер Февральской революции, какие люди ее поддержали и чем был Октябрь, поляризовавший все общество; что являла собой гражданская война, если ее оценивать не с классовых позиций, какие демократические альтернативы большевизму существовали (проблематика “третьего пути”); наконец, почему советская власть победила, какими средствами она воздействовала на своих противников, почему часть антибольшевистски настроенной интеллигенции в 1920-х годах стала добровольно сотрудничать с режимом?»³

Характерно, что позднесоветские и постсоветские историки и публицисты совершенно неверно ставили вопрос, «как эволюционировал политический терроризм от террора индивидуального к террору государственному», так как «политический терроризм» вовсе не эволюционировал как общее целое от «террора индивидуального», а правильнее сказать, оппозиционного (также называемого часто революционным), к террору государственному (известному в таких разновидностях, как «красный» и «белый» террор). Совсем нет. Напротив, каждый из них — оппозиционный терроризм и государственный террор — эволюционировал в своем направлении, но что важно, они еще и противостояли друг другу в годы Гражданской войны и оказывали друг на друга некоторое влияние.

Вовсе не случайно, что многие исследователи красного и белого террора в годы Гражданской войны ошибочно не выделяют оппозиционный терроризм 1918–1919 гг. как совершенно отдельную разновидность террора, имеющую кардинальные отличия от государственного террора, а просто относят его к государственному «белому террору».

А вот взгляд авторов упомянутого предисловия на то, что «Судьба Савинкова со всеми ее перипетиями, идеологическими зигзагами и психологическими загадками представлялась воплощением истории (а для части исследователей — трагедии) России XX века»⁴, представляется более верным. С похожих позиций рассматривалась не только судьба самого Бориса Савинкова, но история и трагедия семьи Савинковых в сборнике документов «То, что было (Три брата)», одним из составителей которого был автор данной книги. Насколько семью Савинковых можно считать типичной семьей русской интеллигенции? Какую/чью семью можно было бы назвать типичной семьей при весьма существенной разнородности интеллигенции в России? Составители сборника считают, что и по своему происхождению, и по своей включенности в мир российской интеллигенции, и по своим довольно

³ Литвин А., Могильнер М. Борис Савинков в исторической литературе и документах // Борис Савинков на Лубянке: документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 36–37.

⁴ Там же. С. 37.

трагичным судьбам члены «клана» Савинковых были достаточно типичными представителями российской интеллигенции. Семья Савинковых относится к тем семьям российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., дети из которых «ушли в революцию», хотя семьи «революционными» не были. Конфликт между старой полуфеодальной властью и интеллигенцией, порожденной начавшейся модернизацией страны и стремящейся к профессиональной и творческой самореализации, был неизбежен.

Эта идея развита и в данной книге, посвященной судьбе Бориса Савинкова. За прошедшие три десятилетия историками, архивистами, писателями было немало сделано в исследовании его биографии — и, прежде всего, историки исследовали различные сюжеты из его жизни и вводили в научный оборот массивы новой информации. Шаг за шагом шло исследование и осмысление его крайне противоречивой фигуры. Впрочем, писатель Виталий Шенталинский справедливо констатировал: «Ни одна из биографий его не смогла вместить этой пестрой и противоречивой судьбы, ни один портрет не выразил, не исчерпал до конца его образ. И до сегодняшних дней время добавляет к ним все новые факты и штрихи, не разрешая, а умножая загадку Савинкова»⁵. И хотя он написал эти слова еще в 1996 г., несмотря на новые публикации и статьи (научных биографий Савинкова на русском языке до сих пор не было), эта ситуация в немалой своей части актуальна и два с лишним десятилетия спустя.

Моя «встреча» с Савинковым уже в качестве исследователя произошла в 1992 г., когда я обнаружил в недавно открывшемся личном фонде Б. В. Савинкова в ГА РФ комплекс документов, посвященный неизвестной тогда еще странице истории Боевой организации ПСР в 1909–1911 гг. Начав с января 1993 г. работать в публикаторском отделе ГА РФ, я параллельно со служебными заданиями подробно разрабатывал и эту часть фонда Савинкова, а также еще ряд дел из этого богатейшего фонда, способствовавших пониманию его личности и деятельности в 1907–1914 гг. И ряд сюжетов из жизни Б. В. Савинкова нашел отражение в статьях и публикациях 1993–1995 гг.⁶, в том числе и в публикации в знаменитом историческом альманахе «Минувшее»⁷, за которую до сих пор благодарен потрясающему Александру Иосифовичу Добкину, редактировавшему мой текст. Личность Б. В. Савинкова и тема эсеровского террора были тогда для меня, пожалуй, самыми интересными, и в 1995 г. я стал председателем оргкомитета научной конференции «Индивидуальный политический террор в России», которая была проведена Научно-информационным и просветительским центром «Мемориал»

⁵ Шенталинский В. Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый Мир. 1996. № 7.

⁶ Морозов К. Н. Б. В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909–1911 гг.) // Россия и реформы: Сб. ст. М., 1993. С. 94–113; Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 г. / Публ. М. А. Колерова, К. Н. Морозова // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 138–142.

⁷ Б. В. Савинков и Боевая организация ПСР в 1909–1911 / Публ. К. Н. Морозова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 243–314.

(НИПЦ «Мемориал»). Тогда же был издан одноименный сборник материалов, часть которого была посвящена проблемам эсеровского терроризма и его руководителям (включая Б. В. Савинкова)⁸.

Б. В. Савинков был, пожалуй, единственным человеком в ПСР, который меня по-настоящему интриговал и интересовал. Впрочем, если не считать загадки — зачем В. М. Чернову в качестве политического редактора «Заветов» понадобилось инсценировать пересмотр народнического наследия, а также доводить до белого каления своих бывших товарищей по ЦК ПСР публикацией романа В. Ропшина. Но с этой загадкой удалось справиться достаточно быстро, а вот Савинков (признававшийся жене, что сделан из мозаики и сам себя не понимает) оставался все так же непонятым, но все так же интригующим и интересным. Помню удивленную реакцию двух пожилых женщин по завершении одной из мемориальных дискуссий в 1996 г., спросивших у меня, кем (!) я занимаюсь, и услышавших ответ — партией социалистов-революционеров и Борисом Савинковым. Ведь фирменным знаком мемориальной работы был интерес к жертвам государственного красного и сталинского террора и исследование их судеб. А тут партия с репутацией террористической, а из людей — человек с очень неоднозначной биографией... Но с самого зарождения интереса к эсерам, еще в подростковом возрасте, меня всегда интересовала их судьба и желание восстановить правду о них, очистить их имена от лжи (наверное, это в конечном счете и привело меня в НИПЦ «Мемориал»). Но это всегда относилось к общности, а не к людям. Исключением был только Б. В. Савинков (только позже я открыл для себя Абрама Гоца, Владимира Зензинова, Флориана Федоровича, Екатерину Олицкую и других).

В 1998 г. вышла в свет моя книга, посвященная различным аспектам истории и жизнедеятельности ПСР в 1907–1914 гг., в которой не менее трети ее немаленького объема было посвящено истории БО ПСР в 1907–1908 гг. и БО ПСР под руководством Б. В. Савинкова в 1909–1911 гг., делу Азефа и его внутрипартийным последствиям, скандалу вокруг романа «То, чего не было», Судебно-следственной комиссии по делу Азефа и реакции Б. В. Савинкова на ее «Заключение»⁹. Часть наработанных тогда мною материалов, а именно — о морально-этических поисках и «богоискательстве» Б. В. Савинкова, не вошла в книгу, а часть — дискуссия о терроре — вошла в сильно урезанном виде.

В последующие годы я думал, что устал разбираться в загадках и противоречивости Б. В. Савинкова и как исследователь навсегда ушел от этой

⁸ См.: *Леонов М. И.* Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России: Материалы конференции / Сост. К. Н. Морозов. М., 1995. С. 33–42; *Пушкарева И. М.* Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Там же. С. 43–51; *Городницкий Р. А.* Три стиля руководства Боевой организацией Партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Там же. С. 52–64; *Прайсман Л.* Феномен Азефа // Там же. С. 65–75; *Морозов К. Н.* Боевая организация Б. В. Савинкова в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Там же. С. 76–86.

⁹ *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

фигуры, отклоняя предложения написать книгу о нем. Но тема не отпустила меня. С одной стороны, в 1999 г. состоялось знакомство с его племянником Сержем Савинковым, которому мы помогали изучать историю семьи Савинковых, и из этой работы и дружеского общения с ним родилась в 2006 г. наша с Аллой Морозовой идея сделать сборник документов «Три брата (То, что было)», реализованная только в 2019 г.¹⁰

В том же 2006 г. я принимал участие в научном консультировании выставки, организованной Государственной общественно-политической библиотекой (ныне Центр социально-политической истории ГПИБ России) «“Я еретик? Пусть. Я еретиком и останусь!” Борис Викторович Савинков — террорист, писатель и “богоискатель”». Поводом к выставке послужила сенсационная находка, сделанная сотрудниками библиотеки, обнаружившими в фонде архивного хранения часть черновиков известного романа Бориса Савинкова «То, чего не было (Три брата)», переданных в библиотеку в 1957 г. МИДом СССР, где черновики оказались при разборе одной из эмигрантских библиотек. Каково же было мое удивление переплетению судеб, когда я увидел, что приемку черновиков романа подписывал мой будущий тесть — Ю. П. Шарапов-Антонов, в тот момент возглавлявший библиотеку и впоследствии, по всей видимости, запамятававший этот факт...

С другой стороны, исследуя процесс эсеров 1922 г. и инкриминируемые им террористические покушения на большевистских лидеров в 1918 г., я с удивлением увидел некоторые следы возможной причастности Б. В. Савинкова к покушениям на В. И. Ленина и, возможно, на М. С. Урицкого. Встал вопрос о необходимости разобраться с формами и степенью причастности Б. В. Савинкова и его организаций к этим покушениям и к людям и группам, которые участвовали в них (увы, многое так и осталось неясным).

Завершая, хочу отметить, что написание научной биографии Б. В. Савинкова является в высшей степени непростой задачей. И подзаголовок книги сформулирован мною именно как «опыт научной биографии» вовсе не из кокетства, а исходя из понимания трудности поставленной задачи и допущения того, что в рамках этого опыта она будет решена лишь частично.

Что собственно такое — научная биография? С одной стороны, исследователи (как историки, так и литературоведы) весьма различно понимают сам жанр биографии, в том числе и научной.

С другой стороны, можно согласиться с А. А. Демченко, утверждающим: «Одна из причин редкого обращения литературоведов к научным биографиям заключается, вероятно, в их особой трудоемкости: научно-биографические изучения требуют многолетних усилий. Другая причина кроется, по-видимому, в недостаточной теоретической разработанности типа исследования. Обычно авторы избегают обозначения “научная биография” и пользуются более распространенными — “жизнь и деятельность”, “жизнь

¹⁰ Три брата (То, что было): Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент.: К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М., 2019.

и творчество”, “биография” Причем далеко не каждое такое жизнеописание приближается к научным биографиям с их специфическими признаками»¹¹. И хотя А. А. Демченко говорит о литературоведении, вышесказанное вполне относится и к истории.

Под научной биографией А. А. Демченко понимает «в самой общей формулировке — широкое научно-документальное исследование жизни изучаемого деятеля». Можно согласиться и с определением В. Я. Лакшина: «Научная биография писателя есть основанное на фактах, подвергнутое критическому изучению и документальной проверке, хронологическое исследование жизни автора в свете основного пафоса его творчества и идейно-художественной эволюции»¹². А. А. Демченко справедливо дополняет, что «своеобразие творческой личности художника слова выявляется также в ее конкретно-исторических связях с эпохой, литературно-общественной средой, семейной обстановкой. Научная биография вовсе не является прерогативой литературоведения. О необходимости научно-биографических монографий заинтересованно говорят историки, философы. Участвующие в обсуждениях специалисты единодушно признают не только важность задачи создания научных биографий, но и настоятельную потребность теоретического изучения биографического жанра вообще»¹³.

Все сказанное ими вполне применимо не только к биографиям писателей, но и к исследованию жизни различных исторических деятелей, в том числе и политических (конечно, с соответствующей поправкой).

Я не ставлю перед собой задачи теоретического и методологического осмысления научной биографии как жанра. Моя задача значительно скромнее — исследовать биографию и фигуру Б. В. Савинкова, которые предельно мифологизированы и политизированы как его современниками, так и историками. Причины этого таятся как в крайней противоречивости самого Б. В. Савинкова, так и в том, что людей, относившихся к нему нейтрально, не было. Его или любили, или ненавидели, что отразилось во всем написанном и сказанном о нем как современниками, так и историками. Свою задачу я видел в том, чтобы на основе широкого круга опубликованных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, во-первых, исследовать, описать и проанализировать жизненный путь Б. В. Савинкова и его идейно-политические, литературные и этические поиски, во-вторых, осмыслить имеющиеся точки зрения на Б. В. Савинкова как его современников, так и исследователей, а в-третьих, попытаться понять ментальность и противоречивость этого мозаичного и «двуликого человека» (по определению

¹¹ Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (статья первая) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-biografiya-pisatelya-kak-tip-literaturovedcheskogo-issledovaniya-statya-pervaya> (дата обращения: 11.12.2021).

¹² Цит. по: Там же.

¹³ Там же.

М. М. Чернавского), а также постараться нарисовать политико-психологический портрет этого яркого и очень странного (по определению К. Вендзягольского) человека своей эпохи.

Должен ли историк пытаться понять образ мыслей и психологию объекта своего исследования? Представляется, что несомненно должен. Нельзя согласиться с мнением А. А. Куреньшева, упрекающего в этом составителей сборника документов «Три брата (То, что было)»: «Социальная и индивидуальная психология предметы малодоступные историкам. Они отражаются в интимной переписке или... в документах вербовки, или в каких-то неуловимых документально движениях души. За решение такого рода задач чаще берутся историки-дилетанты из журналистов, писателей или, вообще, Бог знает кого»¹⁴.

Да, безусловно, исследовать внутренний мир и мировоззрение, пытаться понять психологию человека и нарисовать его портрет, и особенно человека другой исторической эпохи, и особенно такого человека, как Савинков, состоящего из кусков мозаики и порой не понимающего самого себя, да еще к тому же сильно перекореженного выпавшими на его долю испытаниями, — крайне непростая задача. Безусловно, она требует очень серьезного поиска по крупицам самых разных источников (в том числе и пылящихся в архивах). Она требует хорошего знания и понимания объекта своего исследования. Но А. А. Куреньшев не только не отдает себе отчета, что лучше даже не браться за книгу о человеке, которого автор даже не пытается понять, но и делает массу ошибок, показывающих его поверхностное знакомство с жизнью Б. В. Савинкова. Хуже, что А. А. Куреньшев, как и казанский историк А. Л. Литвин, уподобляясь многим прежним хулителям Савинкова вроде эсеров Тютчева, Колосова или большевистского наркома Луначарского, не столько исследуют Савинкова, пытаясь понять его реального, сколько выплескивают на бумагу свои упрощенные представления, отражающие лишь отдельные черты этой сложной и противоречивой личности (подробнее об этой поверхностной книге А. А. Куреньшева и брошюре А. Л. Литвина¹⁵ пойдет речь в историографическом обзоре и различных частях книги). Представляется, что важность попыток ответить на вопросы, рожденные жизнью и личностью Б. В. Савинкова, не только в том, что он весьма заметная и неординарная фигура в истории России эпохи войн и революций, оставившая яркий след в ней и в памяти людей. Примечательно, что Б. Локкарт в своих мемуарах, написанных для английского читателя в начале 1930-х гг., после описания встреч с А. Ф. Керенским сразу перешел к фигуре Б. В. Савинкова, обойдя целый ряд своих «революционных знакомств», среди которых были и весьма крупные и известные фигуры, вроде В. М. Чернова — председателя Учредительного собрания и одного

¹⁴ *Куреньшев А. А.* Жизнь как роман, роман — как жизнь. За что боролся и погиб Б. В. Савинков. Штрихи политического портрета. М.: АИРО-XXI, 2021. С. 229.

¹⁵ *Литвин А. Л.* К истории покушений на В. И. Ленина в 1918 году. Казань, 2021. 62 с.

из лидеров ПСР. Он так объяснял этот кульбит: «Переходя к моим остальным революционным знакомствам, я остановлюсь только на Борисе Савинкове. Конечно, и Чернов, и Зензинов, и Филоненко, и новый городской голова Руднев, и председатель совета солдатских депутатов Урнов, и почтенный публицист Минор, и Прокопович с его супругой Екатериной Кусковой (удивительный русский “pendant” к нашим супругам Сиднею и Беатрисе Вебб) — все найдет свое место в истории России, когда Российская революция отойдет, подобно французской, в историю. Но один только Савинков представляет интерес для широкого читателя»¹⁶. И нелишне, кстати, будет отметить, что Локкарт, в отличие от Черчилля, вовсе не испытывал симпатий к Савинкову, и в целом его оценки не только достаточно сдержанны, но порой и весьма критичны.

Актуальность данной темы еще и в том, что в последние десятилетия для большинства исследователей стало очевидным: научное изучение истории невозможно без пристального внимания к ее человеческой составляющей. В советское время исследователи зачастую предпочитали изучать программы, тактику и деятельность революционных организаций и партий, а биографические исследования «героев» больше походили на жития святых. В ходе многолетних исследований истории и практики одной из революционных партий, а именно ПСР, я пришел к выводу, что ключ к пониманию некоторых проблем нужно искать не в программах и в идеологиях, а в самом человеке, в психологии и взаимоотношениях людей, в морально-психологическом состоянии исследуемого социума и всего того, что детерминируется его субкультурой и традициями.

Недоуменные вопросы, возникавшие передо мной, я трансформировал в постановку проблем и в многочисленные исследовательские вопросы:

Почему так сложно исследовать фигуру Бориса Викторовича Савинкова?

Каковы взгляды Савинкова и какова его идейно-политическая эволюция? Или у Савинкова никогда не было никаких политических взглядов, и он всегда был безыдеен, как считали его недоброжелатели? Или, напротив, ядро его политических взглядов было всегда одинаковым, а менялась лишь внешняя репрезентационная их оболочка, которую Савинков надевал в угоду обстоятельствам и демонстрировал миру?

Был ли Савинков «спортсменом» и «кавалергардом» революции?

В какой степени З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский «виноваты» в морально-этических поисках Савинкова и какова степень их влияния? Права ли Л. Канцель (урожд. Цедербаум, сестра Ю. Мартова и невеста старшего брата Савинкова Александра, а затем жена Ф. И. Дана), считавшая, что «ласковая кобра» З. Н. Гиппиус заставила Савинкова надеть декадентскую маску, спрятавшую искреннего Савинкова?

Почему Савинков-писатель отрицает то, что делает Савинков-террорист?

¹⁶ Локкарт Р. Буря над Россией: Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 205.

Как уживались Савинков-революционер и Савинков-государственник?

Каков был замысел и какова роль Савинкова в том, что позже назвали «корниловским мятежом»?

Почему все усилия Савинкова наладить сопротивление большевикам в первые две недели захвата ими власти, когда они были слабы, закончились ничем? Принял ли Плеханов предложение Савинкова встать во главе правительства после свержения большевиков?

Почему Савинков публично не заявил о своей причастности в момент покушения на Ленина, но в 1919 г. в мемуарном очерке в «Матэн» говорил об этом покушении как о части плана Союза защиты родины и свободы (СЗРиС), созданного им в Москве в марте 1918 г.?

Каковы взаимоотношения Савинкова с Г. И. Семеновым (эсером, а позже коммунистом, заявившим в 1922 г., что под его руководством и с санкции ЦК ПСР боевой отряд совершил покушение на Ленина 30 августа 1918 г.), и был ли этот последний руководителем террористического отдела савинковского СЗРиС, которого Савинков назвал «с.-р. Х.»?

Правдиво ли Савинков изобразил в мемуарах свою роль как роль рядового бойца в отряде полковника В. О. Каппеля? Правдивы ли его слова в частном письме в конце 1918 г., где он говорил о своей причастности к гибели десятков людей?

Каковы роль Савинкова в эмиграции в 1919–1920 гг. и его связи с А. В. Колчаком, В. А. Маклаковым, С. Д. Сазоновым и др.? Каковы его взаимоотношения с А. И. Деникиным и П. Н. Врангелем? Каковы его взаимоотношения с У. Черчиллем и «союзниками»?

Почему стала возможна встреча Б. В. Савинкова и Г. И. Семенова в 1920 г. в Варшаве и поручение последнему организовать убийство В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого?

Каковы взаимоотношения Савинкова с Ю. Пилсудским, и что из себя представляет вся его «польская эпопея»?

Что толкнуло Савинкова на написание «Коня вороного»? Каковы его взгляды в это время?

Почему Савинков вернулся в Россию в августе 1924 г., хотя и опасался ареста?

Почему согласился сотрудничать с большевиками? Насколько искренен его «манифест» «Почему я признал Советскую власть»?

Почему развернулась в эмиграции такая дискуссия вокруг мотивов Савинкова и его поведения на суде? Искренен ли был Савинков на суде и следствии (в каких частях своих утверждений и в какой степени)?

Каковы обстоятельства его гибели? Было ли это убийство властями ненужного им Савинкова или самоубийство?

Что такое Савинков в нашей истории и каково его место в ней? Как относиться к человеку, так грандиозно «испортившему свой некролог»? Что все же в его «мозаичной» фигуре следует считать доминирующим?

Я искал ответы на эти и многие другие вопросы, чтобы сложить общую картину жизни и личности Б. В. Савинкова, уйдя от давящего груза чужих оценок и стереотипов.

На часть поставленных выше вопросов удалось найти более или менее полный ответ. На другую — ответить только частично. На третью — собрать часть материала, необходимого для будущего продолжения исследования Савинкова. Впрочем, в ходе него наверняка возникнут и новые вопросы и будет уточнена или пересмотрена часть ответов на прежние. Ведь, подготовив рукопись значительно позже и в два раза объемнее, чем рассчитывал первоначально, я осознаю, как много еще предстоит ввести в научный оборот документов из российских и зарубежных архивохранилищ и свидетельств, а также сколько еще тем и сюжетов — доисследовать и раскрыть. Увы, мне не пришлось поработать с материалами из фондов ЦА ФСБ, хотя я и не теряю надежду, что еще при нашей жизни и фонды, относящиеся к Б. Савинкову, и многие другие фонды этого архива станут доступны для историков.

Впрочем, сразу оговорюсь, что разочарование ожидает тех, кто представляет себе «научную биографию» как что-то по целям и виду сходное с энциклопедической статьей, но в десятки раз больше... На мой взгляд, фактологическое жизнеописание пусть и весьма важная цель научной биографии, но она не исчерпывается только решением этой задачи и не сводится, как это нередко представляют, к ответу на вопросы — где и когда родился, крестился, женился, трудился, преставился... Да, я пытался в максимально возможной для себя степени отвечать и на эти «фактологические» вопросы, необходимые для биографического исследования, но вовсе не претендую на полноту ответов. Безусловно, еще много сюжетов и деталей предстоит «прорисовать» в целых периодах его жизни и деятельности, в том числе и в польском, который мы с А. Ю. Морозовой сейчас исследуем.

Но все же главным для меня в данном исследовании было понять феномен Б. В. Савинкова, причины его «мозаичности» и крайней противоречивости, его психологию, его метания, его морально-этические поиски, своеобразие его эволюции.

Безусловно, много осталось еще непознанного и неосмысленного в противоречивой фигуре Б. В. Савинкова. Не найдя всех ответов на интересующие меня вопросы и использовав далеко не все мемуары и архивные документы (часть из них еще предстоит вычлениить), я отдаю себе отчет в том, что эта книга — лишь этап моих исследований Б. В. Савинкова, и надеюсь, что еще будет возможность вернуться к ним. Но полагаю, что и эта представляемая читателю книга вызовет у него интерес и поможет многое понять в личности Б. В. Савинкова.

Обращаясь к читателю, отмечу, что нелегко приходится не только исследователю, желающему понять такую сложную фигуру, как Борис Савинков, но и читателю, который (как, собственно, и историк) находится во власти самых разных мифов и стереотипов о Савинкове, созданных самыми разными

людьми самых разных политических взглядов и по разным причинам — от недоброжелателей и завистников, верхоглядов, увидевших только одну из ярких его черт (или масок), до его конкурентов и врагов... Читателю придется буквально продираться сквозь закосневшие и доминирующие в общественном сознании (и литературе) взгляды и мифы о Савинкове, чтобы суметь разглядеть контуры настоящего Савинкова, которого он сам порой тщательно скрывал от посторонних, надевая бесконечные и многообразные маски на и без того двуликую свою натуру... На собственном опыте скажу, что порой за укорененными взглядами на Савинкова и ставшими уже общепринятыми стереотипами, рисующими его как «артиста авантюры», «революционного кавалергарда», «искателя приключений» и острых ощущений, «спортсмена революции», было весьма непросто разглядеть очень искреннего и запутавшегося человека, поневоле ставшего «Гамлетом революции» и мучительно страдавшего от упреков в своей неискренности и неправдивости своих героев, ищущего и не находящего истины, человека, страдающего от своих сомнений, которые разъедали его, как кислота... Впрочем, это можно отнести не только к фигуре Савинкова, ведь многие из трагедий нашей истории XX в. буквально погребены/спрятаны под целыми пластами заблуждений, мифов, пропаганды и лжи не только современников событий и не только историков, но и современных нам политиков, СМИ, пропаганды, обывателей...

* * *

Выражаю особую благодарность коллегам, выступившим в качестве рецензентов данной книги: д. и. н. Б. И. Колоницкому — за важные суждения и советы, позволившие мне более точно сформулировать ряд выводов и оценок позиции Б. Савинкова в событиях 1917 г., и к. и. н. Г. С. Кану, давшему ряд ценных библиографических указаний. Хочу поблагодарить также и других рецензентов книги — Д. И. Зубарева, PhD Л. Г. Прайсмана и к. и. н. М. В. Соколова. Благодарю коллег-мемориальцев из проекта «Это прямо здесь» (<https://toros.memo.ru>) за важный материал о Калитниковском кладбище, где тайно хоронили расстрелянных на Лубянке в 1919–1926 гг., а также Д. И. Зубарева за подсказку и А. Поливанову («Мемориал») за консультацию об этом кладбище. Благодарю исследователя анархизма А. В. Дубовика (Днепр) за указание на мемуарный очерк анархистки Иды Зильберблат. Также хочу поблагодарить Корнелию Ичин, профессора кафедры славистики филологического факультета Белградского университета, приславшую мне посмертную монографию своего коллеги Бобана Чурича «Романы Бориса Савинкова (В. Ропшина)». Мои благодарности за помощь в архивных поисках к. и. н. А. А. Голосевой, Л. Г. Аронову. Я хочу поблагодарить Э. Каплан (Е. В. Мякотину), А. Б. Рогинского, А. и В. Береловичей, А. Горюнова, помогавших мне в ходе стажировки в Доме наук о человеке (Maison des sciences de l'homme) в Париже летом 2006 г., благодаря которой в этой книге использован ряд документов и фотографий из Bibliotheque Documentaire Internationale Contemporaine (Nanterre, France). Я также очень благодарен

своему другу Serge Savinkov, предоставившему разрешение на использование фотографий из его семейного архива. Мои благодарности коллегам из Центра социально-политической истории ГПИБ РФ к. и. н. Е. Н. Струковой и к. и. н. И. Ю. Новиченко, а также д. и. н. А. Ю. Суслову за помощь в библиографических изысканиях. Благодарю д. и. н. В. Б. Аксенова за репродукции карикатур 1917 г., а также Я. З. Рачинского за фотографию политкаторжанок из его личного архива. Моя благодарность — Т. М. Осиповой за фотографию из семейного архива Бенеvских, Л. А. Ситникову за кадры из кинохроники о процессе эсеров 1922 г., Т. А. Семеновой (Рихтер) за фотографию из семейного архива. Благодарю зарубежных мемориальцев А. Блюма, Н. Верта, Ф. Девьера, Ш. Черноушека и Д. Коленовску за поддержку и помощь на этапе завершения книги.

Большая благодарность А. Ю. Морозовой, не только десятилетиями терпевшей незримое присутствие в нашей жизни столь не любимого ею Б. В. Савинкова, но и очень много сделавшей для создания этой книги...

При подготовке книги были использованы тексты и материалы, созданные в ходе работы над грантовым проектом РГНФ-РФФИ «Борис Савинков: опыт научной биографии» (проект № 16-01-00235-ОГН).

При цитировании документов, воспоминаний и писем текст, как правило, приводился к современной орфографии и пунктуации. При иллюстрировании данной книги использовались фотографии из российских и зарубежных архивов, частных коллекций, журналов, а также из следующих книг:

«Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. 448 с.; Борис Савинков на Лубянке: документы. М.: РОССПЭН, 2001. 574 с.; *Кан Г. С.* Наталья Климова: Жизнь и борьба. СПб., 2012. 404 с.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники для данного исследования играют крайне важную роль. При работе над книгой автор широко использовал обширный круг источников различного происхождения и типологии (как опубликованных, так и архивных). Архивные источники происходят из фондов ГА РФ, РГАЛИ, РГАСПИ, Международного института социальной истории (Амстердам), Библиотеки Нантер (Франция). Это позволило дать более объективную и целостную картину личности и жизни Б. В. Савинкова, что особенно важно с учетом крайней мифологизированности его фигуры.

По характеру, времени и обстоятельствам своего возникновения их можно разделить на ряд групп, начав с мемуаристики. Особенности мемуарных источников общеизвестны: при всей ценности сообщаемых фактов и наблюдений мемуары подчас грешат субъективизмом, пристрастностью, фигурами умолчания, а то и прямыми искажениями. При использовании этих ценных и богатых важнейшей информацией источников все ключевые факты и сообщения необходимо перепроверять данными из других источников.

Начнем характеристику с «Воспоминаний» и других мемуарных очерков Б. В. Савинкова, один из которых ранее не публиковался, а также его автобиографии, написанной в 1921 г. Самыми известными мемуарами Б. В. Савинкова являются его «Воспоминания», опубликованные целиком первоначально в журнале «Былое» в 1917 г. (до этого два его очерка, посвященные И. Каляеву и Е. Созонову, публиковались в эсеровской печати), затем под названием «Воспоминания террориста» выпущенные в 1925 г. в Харькове и десятки раз переизданные с конца 1980-х — начала 1990-х гг. Автором были обнаружены (и использованы в работе) в фонде Б. В. Савинкова предисловие и комментарии к «Воспоминаниям», написанные им во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке¹, но не вошедшие в это издание, и избыточные интересными подробностями и оценками «дела Азефа» и взаимоотношений между БО ПСР и ЦК ПСР.

«Воспоминания» Б. В. Савинкова подвергались очень сильной критике со стороны его товарищей по партии Н. С. Тютчева («Заметки о воспоминаниях Савинкова») и Е. Е. Колосова («Савинков как мемуарист»)², бравших под сомнение многое, что он утверждал в своих мемуарах. В приписывании

¹ ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 7а.

² Тютчев Н. Заметки о воспоминаниях Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 49–72; Горбунов М. (Е. Е. Колосов). Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 168–185; № 4. С. 163–173; № 5. С. 168–180; Чернов В. М. Савинков в рядах ПСР // Воля России. 1925. № 14–15. С. 159.

своих взглядов товарищам обвинял Б. В. Савинкова и старый большевик Феликс Кон, написавший предисловие к его «Воспоминаниям», с которым они и были опубликованы (вместо предисловия, написанного к ним Савинковым в 1925 г.): «Савинков, кого может, наделяет своими чертами периода своего упадка. Кого может. Но может не всех. Но, приписывая свои черты определенным лицам и этим греша против этих лиц, Савинков в своих “Воспоминаниях” верно отражает черты мечущейся из стороны в сторону мелкобуржуазной среды. “С.-р. без бомбы уже не с.-р.”»³.

Начнем с того, что Феликс Кон неправ, говоря о том, что мемуары Б. В. Савинкова написаны «значительно позже», чем первый, «героический» период его деятельности; «уже тогда, когда Савинков окончательно перешел в стан шикующих, праздно болтающих, обагрывающих руки в крови». Писать отдельные мемуарные очерки, вскоре опубликованные (они потом вошли в «Воспоминания») Савинков начал уже в годы первой российской революции и в основном написал их в 1908 г., а к 1911 г. они были готовы окончательно и увидели свет целиком после Февральской революции в знаменитом журнале «Былое». Так что можно утверждать, что мемуары были написаны Б. Савинковым по горячим следам и ни про какой переход в «стан» и речи быть не может. Несомненна и субъективность оценок Н. С. Тютчева, обидевшегося на Савинкова за то, что он вывел его в «Коне бледном» в образе члена ЦК «Андрея Петровича», и мнений Е. Е. Колосова, черная кошка между которым и Савинковым пробежала как минимум дважды (в конце 1890-х и в 1909–1911 гг.). Но при всем «импрессионизме» Б. В. Савинкова, в котором его упрекал Чернов, ссылаясь на слова Азефа, при всем его субъективизме упрекать его во лжи в воспоминаниях, в приписывании кому-то слов, которые тот не говорил, можно, только не зная щепетильной честности Савинкова в таких вопросах.

Впрочем, А. Л. Литвин также сомневается в достоверности воспоминаний и свидетельств Савинкова (и как раз ссылается на оценки мемуаров Б. В. Савинкова Е. Е. Колосовым), чтобы доказать, что все свидетельства о той или иной причастности Савинкова к покушению на большевистских лидеров в 1918 г. являются выдумкой: «Савинков все время хотел выглядеть главным организатором террора против царского, а затем большевистского правительства в России, потому и не отказывался в начале от этой легенды о себе. Морозов характеризовал Савинкова как человека осторожного и щепетильного, каким он никогда не был. Знавший его Локкарт писал: “Савинков так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что, подобно герою одного из его романов, в конце концов, сам не мог разобраться толком, кого он в сущности, обманывает, — своих врагов или самого себя”. Достаточно напомнить, как Савинков пользовался деньгами, зная, что они украдены его приятелем Сиднеем Рейли из советских переводов послу в Великобритании Красину после его кратковременного отъезда из Лондона»⁴.

³ Савинков Б. В. Избранное. С. 22.

⁴ Литвин А. Л. К истории покушений на В. И. Ленина в 1918 году. Казань, 2021. С. 35.

Но если процитировать тот фрагмент, на который Литвин ссылается, то становится ясно, что я привожу разные аргументы, почему Савинков не рискнул бы себе приписать чужой террористический акт, просто нахально придумав то, чего на самом деле не было: «Однако более важен другой вопрос: не приписал ли Савинков покушение своей организации? С одной стороны, Савинков использовал достаточно обтекаемые формулировки. С другой, представляется, что он мог опасаться уличения в публичной лжи и присвоении террористического акта. К тому же характерные для него осторожность и щепетильность в подобных вопросах отчасти свидетельствуют в пользу того, что он имел основания для своих заявлений. Наконец, о покушении на Троцкого он мог знать, только будучи посвящен в эти планы»⁵.

Кроме того, видно, что я говорил не вообще об осторожности и щепетильности Савинкова, а именно в «подобных вопросах» — «уличения в публичной лжи и присвоении террористического акта». У нас с Литвиным принципиально разные подходы. Он считает, что Савинков «всячески поддерживал свою репутацию главного террориста в ту пору, потому позволял себе писать о том, чего на самом деле не было». А я же считаю, что как раз потому, что Савинков ценил и гордился своей репутацией «главного террориста», он и не решился бы присваивать себе чужой террористический акт. Философов прав, когда пишет в 1917 г. в своем дневнике о Савинкове: «По “профессии” он член “Боевой организации”»⁶. Да, это его профессия, и он весьма чувствителен ко всему тому, что будет расценено (в том числе и им самим) как нарушение «этики террориста» и верх непрофессионализма, в том числе и присвоение себе чужого террористического акта. И поэтому, по моему убеждению, — да, Савинков мог проиграть чужие деньги и мог использовать деньги, украденные из переводов советскому послу, но не мог приписать себе чужой террористический акт. Ровно так же, как и на следствии и на суде в 1924 г. Савинков признал свою вину и «признал Советскую власть», но категорически отказался называть имена своих живых товарищей. Как представляется, Литвин судит о Савинкове в черно-белом цвете и упрощает этого весьма сложного и противоречивого человека.

Собственно поэтому я и продолжаю настаивать, что важным источником для исследования являются мемуарные очерки Б. В. Савинкова 1919 г., опубликованные во французской газете «Матэн» и изданные на русском языке отдельной брошюрой «Борьба с большевиками» в Польше в 1920 г., а также еще ряд мемуаров и других его свидетельств, которые Литвин отмечает с порога, без убедительной аргументации (или, точнее, с убедительной только для него самого и, возможно, еще для тех, кто воспринимает Савинкова упрощенно и видит в нем только «террориста и поклонника фашизма» и/или «спортсмена революции» — об этом еще пойдет речь).

⁵ Три брата (То, что было): Сборник документов / Сост., авторы предисл. и коммент. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. С. 84.

⁶ *Философов Д. В.* Дневник 1917–1918 гг. // Звезда. 1992. № 3. С. 152.

Кроме того, в данной книге использованы недавно введенные в научный оборот мемуарный очерк Б. В. Савинкова «24-го октября стало известно...», хранящийся в Библиотеке Нантера, и очерк Б. В. Савинкова «С момента большевистской революции и до настоящего времени...» из Архива Международного института социальной истории в Амстердаме, вошедшие в сборник документов «Три брата (То, что было)», где автор этого издания выступил в качестве одного из составителей⁷.

Этот сборник и его составители подверглись яростной критике А. А. Куреньшева, проигнорировать которую было бы неверно, несмотря на то что она во многом состоит из странных намеков и безапелляционных авторских «приговоров» составителям сборника в послесловии к его книге, которое, как ни странно, оказалось вовсе не заключительными рассуждениями автора о Б. В. Савинкове, а посвящено на две трети составителям сборника документов «Три брата (То, что было)» К. Н. и А. Ю. Морозовым: «Игнорирование идейно-теоретических (а точнее говоря, незнание их) коллизий борьбы, имеющей продолжение и в наши, еще более, чем тогдашние, мутные времена, заводит историков (многие заходят самостоятельно, руководствуясь своеобразными инстинктами) в трясину лжи и обмана, опирающимися часто на “громадный фактический фундамент”, огромное количество разнообразных источников: архивные документы, мемуары и прочие автобиографические и эпистолярные ресурсы. Все это, казалось бы очевидные истины... Тем не менее, в историографии таких остро актуальных проблем, как: революционная борьба с властью, формы и методы борьбы, как то: террор, экспроприации, партийное строительство и т. п., продолжает присутствовать старый, “добрый” метод навешивания политических и идеологических ярлыков, группирование по принципу “кто не с нами — тот против нас”. Борьба школ и направлений и, соответственно, методологий научного поиска, сформировавшихся отнюдь не после 1917 г., а гораздо раньше, продолжается и по сей день. Именно исходя из этой задачи, борьбы с инакомыслием и воздействует на научную объективность и гражданскую совесть тех историков, которые имеют возможность влиять на ход и результаты деятельности исследователей, лишенных административного и денежного ресурса...

В связи с выше сказанным автор не считает себя историографически “виновным” в отсутствии ссылок на изданную в 2019 г. объемную то ли монографию, то ли публикацию документов, отражающих жизнь и деятельность семьи Савинковых, в первую очередь, конечно, самого известного из трех братьев — Бориса. Публикация Морозовых, на первый взгляд, исчерпывает тему как в историографическом, так и в архивно-документалистском аспектах. На самом деле, несмотря на кажущуюся полноту и всесторонность публикации, немало сюжетов и тем осталось за ее бортом. Сказались не только

⁷ Три брата (То, что было): Сборник документов / Сост., авторы предисл. и коммент.: К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019.

и не столько профессиональные несовершенства авторов, но и их идеологическая и политическая ангажированность»⁸.

Можно только удивиться — почему инстинкты заводят в трясиину, если они призваны действовать строго наоборот? А также глубоко задуматься, что означает чудесный оборот речи — «автор не считает себя историографически “виновным” в отсутствии ссылок» на наш сборник документов? То, что это сборник документов (пусть и с большим предисловием, превышающим объем книги А. А. Куренышева, что, вероятно, является еще одним источником его раздражения), видно из названия сборника, на который Куренышев как раз после этого предложения и сослался. Вопрос в другом: неужели Куренышев проигнорировал и не использовал в своей работе те документы (немалая часть из них архивные), которые были представлены в этом сборнике? Его упреки, что не все сюжеты освещены или в достаточной степени раскрыты в сборнике, при полном уклонении от вопроса, что же раскрыто и освещено, выглядят по-детски. Да, есть коллеги, которые на презентациях книг обожают рассказывать о том, чего в «супе не хватает», умалчивая о том, что в «супе» все же есть! Впрочем, коллеги относятся к ним и к таким приемам достаточно снисходительно и даже насмешливо. Кроме того, нужно иметь в виду, что этот сборник посвящен трем братьям Савинковым и только мемуары Виктора Савинкова «Записки» занимают 40 а. л.! Мне, писавшему ту часть предисловия, которая была посвящена Б. В. Савинкову и отбиравшему документы о нем, и соавтор, и рецензенты, и даже издатель многократно напоминали о том, что сборник посвящен трем братьям, и просили сократить часть, отведенную Борису (что я и сделал).

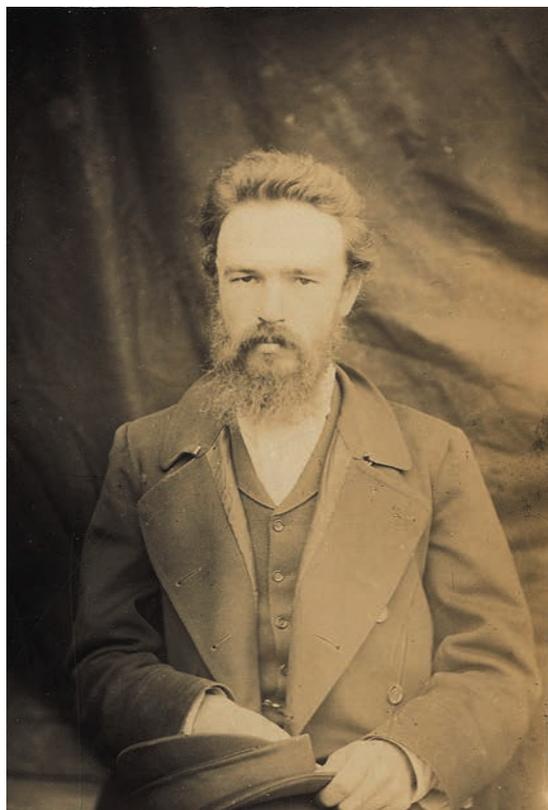
Но куда важнее вопрос — на что и на кого намекает автор (в этом предложении он потерял подлежащее), связывая составителей сборника то ли с борьбой с инакомыслием, то ли с воздействием на «научную объективность и гражданскую совесть тех историков, которые имеют возможность влиять на ход и результаты деятельности исследователей, лишенных административного и денежного ресурса»? В чем он упрекает составителей сборника в этом пассаже? В том (как можно понять из некоторых его фраз), что ему не дали грант на издание его давно написанной книги о Савинкове, а их сборнику дали? Но составители сборника никак не причастны к этому. А кроме того, стоит ли удивляться, что научный фонд не дал издательский грант его публицистической книге, имеющей только внешние признаки научной?

А главное, кто ему дал право оперировать такими домыслами, живущими только в его голове и не имеющими никакого отношения к реальности?! Что же касается его обвинений в профессиональном несовершенстве,

⁸ *Куренышев А. А.* Жизнь как роман, роман — как жизнь. За что боролся и погиб Б. В. Савинков. Штрихи политического портрета. М.: АИРО-XXI, 2021. С. 227–228 (Сохранена орфография и пунктуация источника).

А. В. Савинков в форме студента
Горного института (ГА РФ)

А. В. Савинков. 1905 г. (ГА РФ)

В. М. Савинков в гробу. 1905 г. (ГА РФ)

С. А. Савинкова
(ур. Ярошенко) (Из личного
архива С. Савинкова)

C-XI-I/215

38

№ _____ des Rectorats-Jahres _____

Anmeldebuch

des **Studirenden** (Vor- und Zuname) *Boris Sawinkoff*

aus (Geburtsort) *Harkow*

{ Provinz } *Russland*
{ resp. Staat }

Inscribirt

in der *Juristischen* Facultät

der **Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität
zu Berlin**

den *8* ten *Januar* 1900

Зачетная студенческая книжка Б. В. Савинкова во время его учебы на юридическом факультете в Берлинском университете в 1900 г. (ГА РФ)

В. Г. Успенская — первая жена Б. В. Савинкова
(Из личного архива С. Савинкова)

Б. В. Савинков. Рубеж XIX–XX вв.

Б. В. Савинков с семьей — женой
В. Г. Успенской, детьми Татьяной
и Виктором, отцом В. М. Савинковым
и братом жены. Вологда, начало
1900-х гг. (ГА РФ)